

248.; Рукописные книги собрания М.П.Погодина. Каталог. – Вып. 1 – 3. – СПб.: РНБ, 1988-2004. – 3 т.

38. Шевырев, С. П. Троицкая лавра. Отрывок // Москвитянин. – 1847. – Ч. III. – С. 51-82, С. 69-71; Шевырев, С. П. Поездка в Троицкую лавру // Журнал высших учебных заведений. – 1848. Т. LXXI. – № 281. – С. 24-25; Шевырев, С. П. Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь: в 2-х ч. – М. : Университетская тип., 1850. – С. 14-25; С.26-51.

39. Шляпкин, И. А. Описание рукописей суздальского Спасо-Евфимиева монастыря // Памятники древней письменности. Вып. IV. СПб., 1880. – С. 1-73; Шляпкин, И. А. Синодик псковского Спасо-Мирожского монастыря. – СПб. : лит. А.И. Иконникова, [1880]. – С. 115-135 и др.

40. Нечкина, М. В. Василий Осипович Ключевский. История жизни и творчества. – М. : Наука, 1974. – С. 133.

41. Ключевский, В. О. Житие преподобного Филиппа Ирапского, составленное иноком Германом. [Издание ОЛДП] - СПб. : тип. Балашова, 1879. – XLIV, 77 с.

42. Житие и завещание святейшего патриарха московского Иоакима – СПб. : тип. Балашова, 1879. – 149 с.

43. Список книг церковной печати, хранящихся в Библиотеке св. правительствующего Синода [Составлен библиотекарем Н.Барсуковым]. – СПб., Синод. тип., 1871. – 69 с.

44. Барсуков, Н. П. Источники русской агиографии. – СПб.: тип. А.А. Стасюлевича, 1882. – XII с., 616 стб. – С. IV.

45. Докладная записка П.П. Вяземского о сборном каталоге рукописных житий русских святых Н.П. Барсукова . - СПб. : тип. Балашова, 1877. - 7 с.

46. Кириллин, В.М. Научные труды протоиерея Александра Горского и развитие русской археографии // «Честному и грозному Ивану Васильевичу»: к 70-летию И.В. Левочкина / Сборник статей. - М., 2004. - С.30.

Е.Г. Лысенко (Сочи)

К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ГЕНДЕРНОГО И СОЦИАЛЬНОГО КРИТЕРИЕВ МАРГИНАЛЬНОСТИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX В.

Представители отечественной историографии занялись проблематикой маргинального и аутсайдерского положения средневековых групп населения лишь на рубеже 1950–1960 гг., когда проблема низших социальных слоев и бедности становится ак-

туальной и изучаемой. Процесс увлечения данной тематикой был связан с адаптацией историками – медиевистами методов обновленной социологии (теории слоев, междисциплинарного метода), переориентацией исследовательского мышления, интереса с экономических и социальных структур, профессиональной деятельности и имущественного положения, правовых признаков статуса самих по себе на социокультурный контекст и формирование его социально-психологического представления, системы ценностей, модели социального поведения и, соответственно, системы понятий, терминологию, в которую эти представления облекались [1].

Маргинальность – понятие, традиционно используемое для анализа пограничного положения личности по отношению к какой-либо социальной общности, накладывающего при этом определенный отпечаток на ее психику и образ жизни. Маргинальность характеризует специфичность различных культурных феноменов, часто асоциальных или антисоциальных, развивающихся вне доминирующих в ту или иную эпоху правил рациональности, не вписывающихся в современную им господствующую парадигму мышления и, тем самым, довольно часто обнажающих противоречия и парадоксы магистрального направления развития культуры.

Понятие «маргинальность» тесно связано с понятием «низшие слои населения», в историографии 1970–1980 гг. включившее в себя все типы социальных слоев жителей средневековых городов, которые оказывались аутсайдерами в средневековом обществе по причине наличия в нем норм и ценностей, регулирующих жизнь населения.

Среди исследователей, определивших бедность и аутсайдерское положение в обществе – как один из основополагающих критериев маргинальности – следует отметить исследование В.П. Даркевича «Народная культура средневековья» [2], посвященное изучению социального статуса жонглеров, как одного из видов маргинальных категорий Средневековья. Автор использовал семиотический метод, анализируя этимологию термина «жонглер» и всех синонимов данного понятия, используемых в различных европейских странах. Применяя историко – типоло-

гический метод, исследователь изучает и анализирует репертуар «безземельных бродяг», классифицирует их по группам (трубадуры, жонглеры, буффоны), определяет их специализацию, детали костюма. Идентифицирует ли В.П. Даркевич жонглеров в качестве действительных маргиналов? Автор подчеркивает, что представители данного культурно-социального слоя происходили из различных сословий, их презирали как опустившихся бродяг, проповедники громили за безнравственность и грозили им отлучением от церкви, не допускали к причастию, отказывались хоронить в священной земле. Более того, В.П. Даркевич использует термин «маргинальные иллюстрации», описывая особенности внешнего облика жонглеров и иных представителей артистического жанра Средневековой Европы. Однако, исследователь скорее склоняется к пограничному положению маргиналов, нежели определяет его как устойчивое и естественное. Для него жонглеры – лишь аутсайдеры общества. Кто придерживается социальных норм, созданных для традиционных членов общества? Границы правил постоянно нарушаются и его полноправными членами. В.П. Даркевич подчеркивает: «Идеальные нормы поведения, выработанные отцами церкви, никогда полностью не совпадали с повседневной практикой, ибо многие духовные лица и по образованию и по мировосприятию почти не отличались от своих прихожан [3]». В.П. Даркевич характеризует маргинальный статус социальных, гендерных, этнических групп населения степенью близости к представителям царства Дьявола. Исследователь определяет личную базу маргиналов – аутсайдеров Средневекового общества Западной Европы. К ним он относит, в первую очередь, идолопоклонников Нового Света, мусульман и евреев, женщин, ведьм и колдунов, и, конечно, бродячих артистов.

А.Я. Гуревич, используя историко-хронологический метод, определяет первичное выделение «аутсайдерских» социальных групп на территории Западной Европы. «Население делилось на «знатных», «благородных», «лучших», людей «среднего состояния» и «малых», «низших», «неблагородных», «худших», все эти и подобные термины имели оценочный характер: в них признаётся существование «лучших» и «худших» в среде свободных. Такие

оценки могли относиться к имущественному, правовому, сословному статусу, но они имплицитно содержали в себе также и моральную характеристику» [4].

Другой исследователь, А.Л. Ястребицкая, известный историк – медиевист, используя метод системно-структурного анализа и метод герменевтики, изучает понятие «бедные люди» в рамках средневекового общества Западной Европы [5]. Бедный человек – индивид, обладающий имуществом или доходом, не позволяющим ему обеспечить уровень жизни и выполнение обязательств, предписываемым ему его правовым статусом и общественным положением. В понятие «маргинальность» исследователь включила термины «социальные низы», «социальные меньшинства» и многочисленные переходные, с правовой и экономической точки зрения, группы. А.Л. Ястребицкая классифицировала аутсайдерские группы средневекового населения, отметив банщиков и брадобреев, знахарей, Гудошников и комедиантов, палачей и живодеров, очистителей городских клоак и обитателей лепрозориев, публичных женщин. Маргиналы тесно связаны с понятием «низший слой населения», принадлежащий к социальной слабой части городского общества, страдающей от личной бедности и нищеты, имеющей статус отвергнутых, аутсайдеров. Однако, автор разграничивает понятия «маргинал и аутсайдер». Маргинал – представитель социальной группы, располагавшейся в самом низу социальной иерархии городского общества [6]. В отличие от аутсайдеров, изоляция маргинала от общества, по мнению А.Л. Ястребицкой, была полной, практически исключалась возможность его социального возвышения. Становясь маргиналом, средневековый обыватель был вырван из традиционных общественных связей: семейных, соседских, производственно – профессиональных, маргинал занимался бродяжничеством, сбором милостыни, мошенничеством. Он не занимает промежуточного положения, что соответствовало бы истинному толкованию термина, созданного Р.Э. Парком в начале XX века, скорее, маргинал предстает перед нами в интерпретации исследователя, вобравшим черты беднейшего, бесправного, опустившегося средневекового индивида. К маргинальным группам А.Л. Ястребицкая относит и мигрантов, не-

давних крестьян, пришедших в города в связи с упадком цен на сельскохозяйственную продукцию, однако, они – маргиналы лишь потому, что станут источниками для возникновения истинных маргиналов – нищих и бродяг. Медиевист подчеркивает – существует явная грань между беднотой и маргинальностью, где маргинальность – низшая социальная ступень – местообитание бродяжек и нищих). Тем не менее, среди маргинальных групп населения отмечаются и посетители лепрозориев, преступники, среди которых в городе происходило деление на «своих» и «чужих» (иностранцев, цыган).

Историография зарубежья определила средневековую маргинальность одной из своих проблем изучения раньше, нежели это произошло в рамках отечественной историографии.

Центрами новейших исследований социального положения бедных слоев городского населения в 1960–1970 гг. стали семинары и рабочие группы М. Молла (Сорбонна), Ф. Вольф (Тулуза), А. Санори (Флоренция), Э. Малике (Констанц). Изучение проблемы городской бедноты затруднено состоянием источников. Все, что касается бедных и аутсайдеров, считает итальянский медиевист А. Сапори, исчезает с их смертью[7]. Бедность – не признание маргинального статуса индивида, ведь она является необходимой константой средневекового города. Исконные маргиналы Роберта Эзра Парка, иностранцы, и те скрыты в историческом времени. Исследователь М. Мола считает, что мигранты пополняли армию поденщиков, чернорабочих и нищих, по этому информация о них необычайно скудна и противоречива.

В центре внимания Ле Гоффа – массовое сознание, коллективные представления, образ мира, доминировавший в толще общества.

Используя историко-сравнительный метод, Ле Гофф показывает, каким образом социальная группа населения, в соответствии с эпохой и условиями социума, может изменить собственную общественную презентацию. Исследователь идентифицирует понятия «маргинальность» и «аутсайдерство». Крестьянство, как основной производящий слой общества, фигурировавший в позднеантичной латинской литературе под респектабельным именем *agricolae* (земледельцы), в начальный период Средневе-

ковья исчезает из исторических памятников. Но его можно найти под своего рода псевдонимами *pagani* (язычники), *pauperes* (бедняки) *rustici* (мужланы). «Все эти обозначения, так или иначе, имеют уничижительный оттенок: крестьянин враждебен или чужд истинной вере, он социально принижен (ибо термин *pauperes* указывал не столько на материальную бедность, сколько на подвластность господину) [8]».

Эволюция историографии в антропологическом направлении обуславливает внимание исследователей к таким важным составляющим частной жизни, как отношение полов и гендерные связи. Данный срез женской проблематики в его историографической направленности не может рассматриваться как некое частное дополнение к другим эманациям, так как выполняет важную функцию в понимании того, как изменяются представления о социальной роли женщины в средневековом обществе. Решение данной проблемы марксистской историографией, историей ментальности, женской истории обнаружили предел возможности только экономической или только ментальной историей. Это поставило исследователей перед необходимостью искать такие концепции, которые способны раскрыть во всей полноте картину жизни женщины и ее статус в средневековом обществе [9].

Ряд отечественных исследований посвящены изучению гендерной средневековой истории, особая роль уделяется маргинальному положению женщин в ряде стран Западной Европы. М.А. Буланакова в своей статье «Ментальные стереотипы и образ знатной женщины в период утверждения церковного брака в средневековой Франции», использует гендерный подход при изучении ментальных стереотипов мужчин и женщин в период Средневековья [10]. Автор обращает внимание – жестокие моральные стереотипы, насаждаемые церковной пропагандой, закрепили за мужчиной и женщиной определенные социальные роли, способствующие формированию ценностных стереотипов в восприятии полами друг друга. Исследователь анализирует статус средневековой женщины, носительницы отрицательных качеств, являющейся одновременно служанкой Бога в образе девственницы – монахини. М.А. Буланакова подчеркивает –

роль женщины в средневековом обществе определяется посредством ограничения и запретов, социальная активность ограничивается властью мужчины. М.А. Буланакова изучает роль Кристины Пизанской в формировании первого феминистического движения Европы в период Средневековья. Автор определяет причины маргинального положения женщины в эпоху Средневековья:

1. В рамках ментальных представлений мужской мир Средневековья выстраивает женский образ в соответствии со шкалой мужских достоинств.

2. Женщина была скована в своей социальной активности условиями сеньориально-феодальной системы.

Т.Б. Рябова делает акцент на изучении первостепенной роли женщины в приватной сфере – семье, домашнем производстве, исследователь использует историко-сравнительный метод при выявлении закономерностей и различий в трудах маргинальных представительниц Средневековья: Хильдегарды Бингенской, Хросвиты Гандерсгеймской, Кристины Пизанской, Изотты Ногаролы, Лауры Череты [11]. Т.Б. Рябова обращает внимание: в работах средневековых писательниц внимание акцентируется, прежде всего, на роли Евы в ее грехопадении и позиции Адама, должного защитить более слабую и стоворчивую Еву от нарушения запрета. Почему к знаниям потянулся не более совершенный Адам, а женщина, несовершенная Ева? Исследователь доказывает наличие маргинального самосознания изучаемых писательниц: для эпохи Средневековья было характерно женское преклонение перед доминирующей ролью мужчины в обществе, отказ от «излишней» образованности, замкнутость интересами домашнего хозяйства и детьми.

Но при всей перспективности применения данных методов при анализе исторического материала этот инструментарий ничто, если не использовать социально-историческую методологию. Невозможно обойтись без того методологического подхода, когда рассмотрение социально-исторических условий существования дает возможность увидеть, как формировались те или иные взгляды на женщину, проявление ее властных, собственных, сексуальных потребностей. Такой подход присутству-

ет у Ю.Л. Бессмертного, который на основе анализа демографических данных, пытается связать демографическое поведение с существующими культурными представлениями о роли и участии женщины в обществе Средневекового Запада [12].

Среди зарубежных исследователей, использующих гендерный подход при определении маргинального статуса женщины в эпоху Средневековья в Западной Европе, следует отметить Ж. Дюби. В своей работе (*Love and Marriage in the Middle Ages*), он выделяет типичные черты статуса знатной дамы, поддерживающие ее официальный социальный статус в период Средневековья: происхождение, нравственность, красота, равный брак [13]. Ж. Дюби, вслед за ним и Жак ле Гофф, указывают первопричины маргинального положения женщин: первородный грех, воплощение зла, центр борьбы Дьявола и Бога. Это поясняет роль женщины в еретических и параеретических группах (бегинки, катары) движениях – это служит знаком недовольства женщин отведенным им местом в обществе. Исследователь использует и исторический подход – изучив эволюцию положения средневековых женщин, Ле Гофф определяет два периода улучшения ее положения – во время Крестовых походов и Реконквисты. В данное время изменилась демографическая картина социума, мужчины гибли в военных сражениях, отсутствовали годами, в результате экономическая деятельность оказалась под эгидой женщин.

Многие из исторических концепций обнаруживают свое сходство в том, что отношения полов рассматриваются в них не как обусловленные однозначно природой, а как заданные всей сложившейся в обществе системой отношений. Подобный подход присущ Ж. Дюби, который определяет изменения в представлениях о браке, семье, сексуальных отношениях, как симптом нарушения равновесия между главными социально-политическими силами средневековья (церковь, феодальная знать, бюргерство) [14]. Методология концепций смеха, использованная при анализе А.Д. Михайловым фавлю XII–XIII вв., Г.Ю. Бахорским шванков XVI в. (которые включают в себя представление о разном характере смеха: добром и злом) в совокупности с подходами Ж. Дюби, Ж. Ле Гоффа говорит о том,

что положение о зависимом статусе женщины, которое ранее преваляло в историографии, нуждается в уточнении. Историография вопроса об определении ее статуса приводит нас к пониманию того факта, что средневековый мир при всей своей устремленности к типизации, обнаруживает и определенную степень индивидуальности женщин в средние века. И Н.З. Дэвис показывает, что с помощью новых методов исследования возможно более глубокое понимание жизненной позиции женщины средневековой эпохи: речь идет об индивидуальном поступке Бертранды де Роллс, которая предпочла обмануть общество в попытках построить свое счастье [15].

В этом плане существование женоненавистнических воззрений может быть объяснено не только ограничениями для священнослужителей на вступление в брак или культом Прекрасной Дамы, в рамках которого возможно формирование презрения мужчин к женским слабостям (особенно по отношению к женщинам низших сословий). Согласно подходу Ж. Дюби, поднимающееся бюргерство противопоставляет церковной доктрине безбрачия, рыцарской куртуазности свой образ отношений полов. И особенность этого образа такова, что женоненавистнические воззрения не исключают высокого статуса сексуальности. Все эти подходы в историографии и методологии позволяют разрушить однозначность представлений о женщине средневековой Европы, как систематически притесняемой и согласной с этим, либо как о женщине-ведьме (миф, порожденный кризисом идентичности вследствие маргинализации отдельных слоев общества). Историография дает нам примеры индивидуальных поступков женщин, возможности скрытого противодействия власти мужчин. Но до сих пор остается неразрешенным вопрос, можно ли, исходя из частных, порой уникальных явлений, делать обобщения, касательно всех женщин средневековой эпохи.

Примечания

1. Низшие социальные слои, бедность, бедняки. Городские маргиналы. Средневековая Европа глазами современников и историков. Европейский мир X–XV вв./А.А. Ястребицкая Ч.2. – М., 1995. С. 297.

2. Даркевич В.П. Народная культура средневековья. – М., 1988. С. 334.
3. Там же. С. 255.
4. Гуревич. Средневековый мир: культура безмолвующего большинства. С.32.
5. Низшие социальные слои, бедность, бедняки. Городские маргиналы. Средневековая Европа глазами современников и историков. Европейский мир X–XV вв./А.Л. Ястребицкая. Ч.2. – М., 1995.
6. Там же. С. 297.
7. Там же. С. 307.
8. Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. – М., 1992. С. 214
9. Дружинина Н.А. Женщина в средневековом мире Западной Европы: историографические и методологические аспекты Материалы научных конференций студентов и аспирантов исторического факультета ТГУ. 1998-2001 гг. <http://humanities.edu.ru/db/msg/50897>.
10. Булاناкова М.А. Ментальные стереотипы и образ знатной женщины в период утверждения церковного брака в средневековой Франции <http://www.genderstudies.info/sbornik/vozmoj/12.htm>
11. Рябова Т.В. К вопросу о развитии женского самосознания в Средние века. – Иваново, 1999. С. 159–167.
12. Бессмертный Ю.Л. Жизнь и смерть в средние века: Очерки демографической истории Франции. – М., 1991; Он же. Новая демографическая история // Одиссей. – М., 1994. С. 239–256.
13. Duby G/ What do we know about Love in Twelfth-Century France?// Duby G. Love and Marriage in the Middle Ages. Polity Press and the University of Chicago. P. 34.
14. Ястребицкая А.Л. Проблема взаимоотношения полов как диалогических структур средневекового общества в свете современного историографического процесса.// Средние века. 1994. Вып. 57. С. 126–136.
15. Дэвис Н.З. Возвращение Мартена Герра. – М., 1990.